

**«ГОСТЕПРИИМНЫЕ МУЖИ» И ИХ «ГОСТИ»
В ЭПОХУ СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ
В IV–III ВВ. ДО Н.Э.¹**

М.С.Хаятина

Университет Людвиг Максимилиана,
Мюнхен

В ряде текстов, восходящих к эпохе Сражающихся царств (Чжаньго 戰國), упоминаются так называемые «храбрецы» (*ся* 俠) или «молодцы» (*ши* 士), переходившие с места на место, предлагая свои услуги. Отдельные знатные лица подолгу содержали их как «гостей» (*кэ* 客, *бинькэ* 賓客) в своих имениях². Авторы эпохи Западной династии Хань 西漢 (202 г. до н.э. – 9 г. н.э.) с ностальгией романтизировали гостеприимных мужей прошлого, «обладавших ясным умом, преданностью и честностью, щедростью и великодушием, любящих людей, почитавших мудрых и ценивших добрых молодцев» [9, цз. 6, с. 269; см. также 35, т. 2, с. 103]. Для состоятельной ханьской аристократии «гостеприимцы» прошлого являлись образцом для подражания — не случайно на протяжении ещё нескольких сотен лет влиятельные вельможи продолжали собирать в своих имениях сотни, а иногда и тысячи *бинькэ* (см. [21, с. 95–103]). Современники же периода Чжаньго наблюдали за их деятельностью с беспокойством, отмечая, что «те, кто частным образом собирает и обогащает храбрых молодцев, способны преступить закон и узурпировать власть, полагаясь на их отвагу» [2, с. 380].

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке Фонда Герды Хенкель (Gerda-Henkel-Stiftung) в 2003–2006 гг.

² Поскольку *бинькэ* не являлись обычными гостями, прибывавшими на краткое время, но оставались у своих хозяев на неопределённый срок, в данной статье термины «гость» и «гостеприимство» мы будем писать в кавычках.

Упоминания о странствующих «мóлодцах» и их покровителях содержатся в политическо-философских трактатах *Гуаньцзы* 管子 и *Ханьфэйцзы* 韓非子, и в особенности в собрании исторических анекдотов *Чжаньго цэ* 戰國策 («Планы Сражающихся царств»). Данные *Чжаньго цэ* и некоторых других источников были обобщены и систематически изложены Сыма Цянем 司馬遷 (145–87 гг. до н.э.) в биографическом разделе *Ле чжуань* 列傳 в *Ши цзи* 史記 («Исторические записки»). Принимая во внимание, что перед нами произведения не документального рода, тем не менее можно исходить из того, что они отражали исторические реалии настолько, чтобы последние оставались узнаваемыми для читателей периода Чжаньго и ранней Хань. Полагая, что имеющиеся в нашем распоряжении тексты содержат некоторые крупницы истины, мы считаем возможным рассмотреть в настоящей работе следующие вопросы:

- 1) Кем были «гости» и их «хозяева»?
- 2) Каковы были экономические и организационные условия «гостеприимства»?
- 3) Каково было значение «гостеприимства» в контексте внутри- и внешнеполитических конфликтов, сопряжённых с процессами территориального укрупнения и борьбы за консолидацию центральной власти в древнекитайских царствах в IV–III вв. до н.э.?

«Гостеприимцы»

Содержание нахлебников на подворьях сановников становится распространённым в древнем Китае во второй половине IV в. до н.э. По данным *Чжаньго цэ*, младший брат циского Сюань-вана 齊宣王 (правил 342–324 гг. до н.э.) Тянь Ин 田應, ранее занимавший пост *сяна* 相 («канцлера») в царстве Ци 齊, начал собирать «гостей» в своём имении Сюэ 薛 (см. [10, цз. 8, *Ци* 1.3, с. 297]). Нахлебники имелись также у Су Циня 蘇秦, служившего сначала в Чжао 趙 при Су-хоу 肅侯 (349–326), а затем занимавшего пост *сяна* по очереди в шести разных царствах (см. [9, цз. 70, с. 2280]), или у Чжан И 仗義 (см. [10, цз. 9, *Ци* 2.2, с. 336]), служившего *сяном* в Цинь 秦 при Хуэйвэнь-ване 惠文王 (337–311) и в Вэй 魏 при Хуэй-ване 惠王 (335–319). *Бинькэ* имелись даже у Юэ Чи 樂池 — *сяна* некитайского государства Чжуншань (IV в. до н.э.) (см. [10, цз. 9, гл. 30, с. 224]). Наиболее знаменитыми «гостеприимцами» были так называемые «четыре мужа периода Чжаньго» (*Чжаньго сы гунцзы* 戰國四公子), известные

под титулами Мэнчан-цзюнь 孟嘗君, Пинъюань-цзюнь 平原君, Синьлин-цзюнь 信陵君 и Чуньшэнь-цзюнь 春申君 (см. [27, с. 77]). Они также занимали в разное время каждый в своём царстве пост *сяна* (см. Таблицу).

Таблица. «Четверо мужей периода Чжаньго» и их связи

Царство	Правитель	Годы правления (до н.э.)	Сяны (имя, титул, степень родства с правителем)		
			Имя	Титул	Степень родства
Ци 齊	Минь-ван 潛王	322–284	Тянь Вэнь 田文	Мэнчан- цзюнь 孟嘗君	кузен
	Сян-ван 襄王	283–265			двоюр. дядя
Чжао 趙	Хуэй Вэнь-ван 惠文王	298–266	Чжао Шэн 趙勝	Пинъюань- цзюнь 平原君	мл. брат
	Сяо Чэн-ван 孝成王	265–245			дядя
Вэй 魏	Ань Ли-ван 安釐王	276–243	У Цзи 無忌	Синьлин- цзюнь 信陵君	мл. брат
Чу 楚	Цин Сян-ван 頃襄王	298–263	Хуан Се 黃歇	Чуньшэнь- цзюнь 春申君	родственник (см. [26, с. 608])
	Као Ле-ван 考烈王	262–238			

Как видно из таблицы, Мэнчан-цзюнь был на одно поколение старше трёх других «гостеприимцев». Его деятельность приходилась на конец IV – первую четверть III в. до н.э. «Младшие» гостеприимцы были активны в середине III в. до н.э. Кроме них, также в середине III в. до н.э. собирал «гостей» *сян* царства Цинь Люй Бувэй 呂不韋 (? – 235 гг. до н.э.). Близко связанный с циньским Чжуансян-ваном 莊襄王 (249–247) ещё до восхождения последнего на престол, Люй Бувэй был назначен *сяном* в 247 г. и оставался канцлером-регентом в годы несовершеннолетия циньского царя Чжэна 政, впоследствии — первого императора Цинь (Цинь Ши-хуанди 秦始皇帝) (246/221–210).

Связь «гостеприимства» с должностью *сяна* заслуживает внимания. Пост *сяна* был введён во всех царствах периода Чжаньго, включая царство Чу, ранее предпочитавшее собственную номенклатуру должностей (см. [16, с. 5–6]). Как обобщал Ким Васильев, канцлеры-*сяны* становились важнейшими фигурами внутривластной жизни в царствах в тот момент, когда «административные начала повсюду приходили на смену кланово-корпоративным структурам» [34, с. 89]. Однако, функции и объём реальной власти канцлеров не были одинаковыми в разных царствах.

Сяны царств Чу и в особенности Цинь прославились своей реформаторской деятельностью, направленной на усиление государственных структур. Один из первых реформаторов, У Ци 吳起 (?–381 гг. до н.э.), *сян* царства Чу при Дао-ване 悼王 (401–381), «сделал ясными законы и продуманными указы, выгнал бесполезных чиновников, отменил кормления боковых ветвей правящего клана и дальних родичей правителя», чтобы за счёт этого обеспечить содержание способных к бою *ши* (см. [9, цз. 65, с. 2168; см. также 35, т. 7, с. 54]). Шан Ян 商鞅 (?–338 гг. до н.э.), *сян* царства Цинь при Сяо-гуне 孝公 (361–338), разрушил старую ранговую систему знатности и ввёл взамен новую, в которой ранг знатности и соответствующее ему обеспечение землёй и другими благами определялись конкретными заслугами перед государством. Он создал условия, благоприятные для крестьян, совмещавших занятия земледелием и военным ремеслом, и ввёл суровые наказания за преступления, включая коллективную ответственность родственников и соседей преступников (см. [9, цз. 68, с. 2227–2233]; см. также [34, с. 229–231; 26, с. 612–615]). В обоих случаях реформы ослабляли аристократию и служили укреплению царской власти и государственного контроля над населением. Подобные примеры радикального реформаторства *сянов* были скорее исключениями, нежели правилом. И У Ци и Шан Ян были выходцами из других царств (см. [34, с. 242; 23, с. 51–52]). Правители, планировавшие радикальные изменения, не случайно назначали *сянами* иностранцев или лиц незнатного происхождения, не имеющих связей с местной аристократией. Надеясь «чужих» канцлеров колоссальной властью, они одновременно отводили на них от царского дома³ недовольство знати и народа непопулярными реформами.

³ В частности, Шан Ян, выходец из царства Вэй, был убит после смерти своего покровителя — циньского Сяо-гуна. Тело его было разорвано колесницами, и весь его род истреблён (см. [9, цз. 68, с. 2237; 35, т. 7, с. 96]). Так же и Су Цинь, прославившийся тем, что служил *сяном* в шести царствах, был убит в царстве Ци, и тело его также было разорвано на базарной площади (см. [9, цз. 69, с. 2266; 35, т. 7, с. 111]).

Более консервативные правители, не решавшиеся прибегать к радикальным мерам и стремившиеся сохранить общественное спокойствие, предпочитали назначать *сянами* своих ближайших родственников (см. [23, с. 52]). Замещение должности *сяна* родственниками царя также ограничивало влияние старой аристократической знати, занимавшей в ряде царств министерские должности в течение поколений. Однако само создание поста *сяна* не обязательно означало укрепление административного начала, а также не всегда способствовало укреплению царской власти. Как отметил Барри Блэкли, «даже на теоретическом уровне, разделение власти с родственниками должно было быть препятствием усилению личного авторитета царей» [17, с. 1–39, с. 1]. Раздача высоких постов должна была удовлетворить наиболее амбициозных членов царской семьи. Но в отличие от незнатных *сянов*-реформаторов, *сяны*-родственники царей часто не наделялись какими-либо конкретными полномочиями, и от них ожидалось лишь общее содействие по мере необходимости. Фактическая «пустота» высоких титулов вызывала у их обладателей неудовольствие и провоцировала их на соперничество с правителями царств. Как будет показано ниже, одним из проявлений соперничества было показное «гостеприимство» *сянов*.

Практика содержания нахлебников не обязательно была связана с должностью *сяна*. Кроме *сянов*, «гостей» содержали некоторые другие высокопоставленные чиновники, в том числе чжаоские генералы Ли Дуй 李兌 (IV в.) (см. [12, цз. 18, «Чжао» 2.2, с. 625]) и Лянь По 廉頗 (III в.) (см. [9, цз. 81, с. 2443]), а также циньский придворный Лао Ай 嫪毐 (? – 238 г.). В царстве Вэй одновременно с Синьлин-цзюнем *бинькэ* принимал его брат, принц Вэй Ци 魏齊 (III в.) (см. [9, цз. 79, с. 2401]). В царстве Янь *бинькэ* содержал принц Дань 太子丹 (? – 226 г.) (см. [9, цз. 86, с. 2534]). Для правителей царств содержание *бинькэ* не было типичным, хотя трактат *Чжуаньцзы* 莊子 упоминает «более трёх тысяч гостей», проживавших у чжаоского Хуэйвэнь-вана, старшего брата Пиньюань-цзюня (см. [11, гл. 30, с. 1016]). Привлечение «гостей» было, возможно, вопросом престижа для высшей знати, в особенности среди принцев, не являвшихся наследниками престолов, но наделённых высокими государственными должностями и соответствующими земельными пожалованиями, а также среди высшего чиновничества.

Помимо героев популярных анекдотов, известных поимённо, «гостей» содержали, видимо, и многие другие сановники. На это указывает общая критика частного «гостеприимства» в трактатах *Гуаньцзы*, *Ханьфэйцзы* или *Сюньцзы* (см. [3, 8, 10]).

«Гости»

В историях о «гостеприимцах» не раз упоминается, что к ним стекались «мужи Поднебесной (*тянься чжи ши* 天下之士)» (см. [10, цз. 10, *Ци* 3.1, с. 353, *Ци* 3.6, с. 364; 9, цз. 75, с. 2354]). Сыма Цянь сообщает, что Мэнчан-цзюнь принимал у себя «бинькэ [из владений] удельных князей (*чжухоу*) и людей, бежавших [из других царств] из-за каких-то проступков» [9, цз. 75, с. 2353, см. также 35, т. 7, с. 175]. По словам персонажей одного из анекдотов о Пиньюань-цзюне, «зная, что господин привечает *ши*, они прибывают к нему, не считая и тысячу *ли* 里 большим расстоянием» [9, цз. 76, с. 2365, см. также 35, т. 7, с. 185]. Вероятно, некоторые «гости» действительно приходили из других царств⁴, благо что уделы «четырёх мужей» лежали в пограничных областях (о чём см. ниже). На пришлое происхождение нахлебников указывало их наименование: «странствующие мужи» (*ю ши* 遊士, см. [2, цз. 6, «Ци» 1.4, с. 272; 12, цз. 22, «Вэй» 1.11, с. 824; 14, цз. 5, гл. 26, с. 360]), «мужи, проживающие на чужбине» (*цзи люй цяо ши* 羈旅僑士, см. [8, цз. 5, гл. 15, с. 110]), «странствующие молодцы» (*ю ся* 遊俠, см. [8, цз. 19, гл. 49, с. 450]), «молодцы-гости» (*ся кэ* 俠客, см. [3, цз. 2, с. 54]), или просто «гости» (*кэ*, *бинькэ*)⁵.

«Гости» из действительно отдалённых мест были скорее исключением, в то время как основная их часть происходила из местностей, лежащих поблизости от владений «гостеприимцев». Так, оставляя у себя каждого вновь прибывшего гостя, «Мэнчан-цзюнь посылал своего человека, чтобы справиться о самочувствии его домашних и одарить их» [9, цз. 75, с. 2353; цит. по 35, т. 7, с. 175]. Очевидно, что это было возможно только в том случае, если родственники пришедшего гостя проживали не слишком далеко. Другими названиями нахлебников были «[проживающие] в сени врат» (*мэнься* 門下) и «приживальщики» (*шэжэнь* 舍人), указывавшие на их статус, но не на чужеземное происхождение.

Разным было и социальное происхождение *бинькэ*. В восточно-чжоуской терминологии рангов знатности слово *ши* в узком смысле обозначало представителей низшего аристократического ранга в отличие от более высокопоставленных обладателей ранга *тайфу* 大夫⁶.

⁴ Например, один из постояльцев Мэнчан-цзюня звался Вэй-цзы, что указывало на его происхождение из царства Вэй, и, не исключено, на принадлежность к вэйскому правящему дому (см. [9, цз. 75, с. 2356]).

⁵ Слово «гость» часто указывало в литературе периода Чжаньго на чужеземное происхождение человека (см. [38, с. 119, 136]).

⁶ Чёткое противопоставление *тайфу* и *ши* зафиксировано в составленных в конце периода Чжаньго либо в начале периода Хань *Ли цзи* 禮記 («Записях о ритуа-

В более широком значении «[благородный] муж» оно распространялось на аристократию в целом⁷. В эпоху Сражающихся Царств, когда рекрутирование административных кадров из низшего нобилитета стало нормой, слово *ши* приобрело коннотацию «служилый», «чиновник». Ещё одна коннотация «учёный [муж]» присоединилась к нему благодаря тому, что из среды низшей аристократии происходили многие известные философы и политические стратеги.

Среди *ши*, посещавших чжаньгоских «гостеприимцев», попадались лица высокого происхождения, занимавшие ранее чиновничьи должности или обладавшие значительными способностями. Некоторые из них использовали положение «гостя» у высокопоставленных государственных деятелей, чтобы получить доступ к службе в других царствах. Так, будущий канцлер Шан Ян, потомок побочной ветви княжеского дома Вэй 衛, проживал по прибытии в Цинь у савновника Цзин Цзяня 景監 на правах «гостя». Это дало ему шанс добиться аудиенции у циньского правителя и получить министерскую должность (см. [9, цз. 68, с. 2228]). Позже Ли Сы 李斯, бывший сначала мелким чиновником в Чу, использовал статус «гостя» на подворье циньского *сяна* Люй Бувзя как стартовую площадку для карьеры в Цинь, где он также добился поста канцлера (см. [9, цз. 87, с. 2540]). Философы Лу Чжунлянь 魯仲連 (ок. 305–245 гг.), Гунсунь Лун 公孫龍 (ок. 320–250 гг.) и Цзоу Янь 鄒衍 (ок. 305–240 гг.) гостили на подворье Пинъюань-цзюня в царстве Чжао (см. [10, цз. 20, «Чжао» 3.13, с. 735; 9, цз. 83, с. 2460; 9, цз. 76, с. 2369; 9, цз. 74, с. 2345]), а Сюнь Куан 荀況 (ок. 313–238 гг.) нашёл прибежище у Чуньшэнь-цзюня в царстве Чу (см. [9, цз. 74, с. 2348]).

Авторы периода Чжаньго различали *ши*-интеллектуалов⁸ с одной стороны, и *ши*-воинов⁹ — с другой. Меч, оружие для личной обороны в ближнем бою, служил средством самоидентификации и отли-

ле») — собрании предписаний, касающихся проведения определённых ритуальных церемоний и норм поведения и потребления в среде аристократии (см. 4, *passim*).

⁷ См. [30, с. 89–90; 26, с. 32]. В восточночжоуских текстах нередко встречается противопоставление *ши* и *минь* 民 («народа»), см. напр. [12, цз. 19, «Чжао» 2.1, с. 655, цз. 20, Чжао 3.13, с. 736].

⁸ См. упоминания об «эрудированных и учёных, способных к рассуждениям мужах» — *бо сюэ бянь шо чжи ши* 博學辯說之士 [2, гл. 45, с. 380], «увещающих и рассуждающих мужах» — *цзянь шо тань лунь чжи ши* 諫說談論之士 [10, цз. 4, гл. 12, с. 94].

⁹ См. упоминания о «храбрых и могучих мужах» — *юн ли чжи ши* 勇力之士 [10, цз. 2, гл. 9, с. 56; 15, цз. 1, гл. 1, с. 1], «храбрых и могучих мужах, владеющих стрельбой из лука и управлением повозкой» — *шэ юй юн ли чжи ши* 射御勇力之士 [2, гл. 65, с. 508].

чительным признаком странствующих *ся* или *ши*¹⁰. Ироничное описание в главе «Рассуждение о мечях» трактата *Чжуанцзы* позволяет читателю живо представить внешний облик и характер «мужей меча»: «Их волосы всклокочены, усы топорщатся, шлемы с толстыми кистями надвинуты вперёд, платье на спине укорочено, глаза горят, речь грубая» [11, гл. 30, с. 1020; 37, с. 289].

Воинственный дух и умение обращаться с оружием, отличавшие странствующих древнекитайских «молодцев», заставляют некоторых авторов видеть в них «рыцарей» (см. [28; 32; 37]). Однако неизбежная коннотация благородности происхождения, неотрывная от образа рыцаря средневековой Европы, ведёт и здесь к ненужному сужению смыслового поля. Древнекитайские странствующие *ся* или *ши* не являлись всадниками, что было принципиально для складывания рыцарского сословия в Европе (ср. [19; 22; 29])¹¹. Они не располагали ресурсами, необходимыми для содержания лошадей или экипажей. Часть из них обладала в лучшем случае собственным мечом (ср. [9, цз. 75, с. 2359; 12, цз. 11, *Ци* 4.1, с. 381]), некоторые, по-видимому, не имели даже металлического оружия (ср. [9, цз. 76, с. 2367]).

Основную массу «гостей» составляли *ши* в более широком смысле слова: «молодец» или даже просто «мужчина»¹². Другое наименование странствующих искателей удачи встречается в «Планах Сражающихся царств — «мужи в холщовой одежде» (*бу и чжи ши*

¹⁰ См. [32, с. 21–42, особенно с. 36–40]. В частности, Хань Фэй (ок. 280–233 гг.) называл их «носящими меч гостями/храбрецами» — *дай цзянь чжи кэ/ся* 帶劍之客 / 俠 [10, цз. 2, гл. 9, с. 56], или, в противопоставление воинам государственных армий «мужами с собственными мечами» — *сы цзянь чжи ши* 私劍之士 [10, цз. 19, гл. 49, с. 450, цз. 20, гл. 52, с. 470]. Ишисада Мияцзакэ высказал предположение, что название *ся* («храбрец», также «странствующий храбрец» — *ю ся*) этимологически было связано с одним из слов, обозначающих «меч» (*цзя* 劍) (см. [6, с. 252]). Стандартным обозначением меча являлось слово *цзянь* 劍. Но Фэн Хуань 馮驩, гость Мэнчан-цзюня, в песне называет меч словом *цзя* (см. [10, цз. 11, *Ци* 4.1, с. 381]). Это слово встречается в трактате *Чжуанцзы* в главе «Шо цзянь» 說劍 («Рассуждение о мечях»), где оно обозначает не меч целиком, а только рукоять меча, названного стандартным словом *цзянь* (см. [9, гл. 30, с. 1020]).

¹¹ Содержание боевого коня требовало значительных затрат. В связи с этим повсеместно — в Иране, Риме, Византии, средневековой Европе — земельные наделы всадников размерами многократно превышали наделы простых пехотинцев (см. [22, с. 4 и библиография в сноске 11, а также 38, с. 43–48]). Таким образом, экономическая обеспеченность была необходимым условием рыцарского статуса.

¹² В частности Мэн-цзы также говорит о *ши нью* 士女 — «мужчинах и женщинах», имея в виду простой народ (см. [6, с. 2736]. О *ши* как «мужчинах» см. также [20, с. 332; 27, с. 32–33]).

布衣之士), оно указывает на принадлежность части «гостей» к простолюдям (см. [12, цз. 19, *Чжао* 2.1, с. 655; 8, цз. 4, гл. 14, с. 105])¹³. Сыма Цянь характеризует *бинькэ* как *ся ши* 下士 — низкие, т.е. незнатные *ши* [9, цз. 78, с. 2395]. Лично свободные странствующие *ши* находились в отрыве от земли, не владели какими-либо ремёслами и, таким образом, пребывали в экономически нестабильном положении. Приём на подворье «гостеприимцев», по-видимому, был для них желанной альтернативой подённой работе, солдатской службе или разбою. При этом они не обязательно обладали особыми талантами. Напротив, никчемность «гостей» была темой целого ряда анекдотов, в которых она в самый неожиданный момент вдруг оборачивалась выгодой для хозяина.

Условия «гостеприимства»

Содержание в частных владениях нахлебников становится распространённым в Китае начиная со второй половины IV в. до н.э. Неизвестно, насколько многочисленны были их группы. С начала III в. до н.э. упоминаются колонии *бинькэ* впечатляющих размеров. По словам Сыма Цяня, в бытность Мэнчан-цзюня *сяном* в Ци в начале III в. и Чуньшэнь-цзюня *сяном* в Чу в середине III в., у каждого из них проживало «более трёх тысяч *бинькэ*» [9, цз. 75, с. 2354, 2362, цз. 78, с. 2395]. В это же время у вэйского *сяна* Синьлин-цзюня кормилось «до трёх тысяч *бинькэ*» [9, цз. 77, с. 2377], а у чжаоского *сяна* Пинъюань-цзюня число гостей «в иные времена доходило до нескольких тысяч» [9, цз. 76, с. 2365, 2368, цит. по 35, т. 7, с. 185]. У Люй Бувэя, *сяна* царства Цинь, также «кормилось до трёх тысяч человек» (см. [9, цз. 85, с. 2510, цит. по 35, т. 7, с. 298]).

Для контроля над этой массой людей они выбирали доверенное лицо из числа самых авторитетных *бинькэ* и назначали его «старшим гостем» (*шанкэ* 上客). У Мэнчан-цзюня имелся также «старшина палат» (*шэчжан* 舍長), доносивший ему о поведении «гостей» (см. [9, цз. 75, с. 2359; 35, т. 7, с. 180]). У Чуньшэнь-цзюня содержанием *бинькэ* ведали «чиновники, [присматривающие] за воротами» (*мэньли*) [12, цз. 17, *Чу* 4.11, с. 590]. Доверенные лица из числа *бинькэ* без определённых должностей докладывали Пинъюань-цзюню о способностях других постояльцев (см. [9, цз. 76, с. 2366]).

¹³ Под «[людьми в] холщовой одежде» подразумевалось простонародье.

С целью упорядочить отношения с «гостями» составлялись списки с указанием их происхождения и места рождения. Принимая «гостей» в первый раз, Мэнчан-цзюнь лично беседовал с каждым, «справлялся о родичах и месте жительства, а за ширмой сидел писец, чтобы записывать, о чём господин говорил с гостем, и уточнять, с кем тот в родстве и где живёт» [9, цз. 75, с. 2354; цит. по 35, т. 7, с. 175].

Условия, в которых содержались «гости», были относительно скромными. Хозяева предоставляли им общее жилье в палатах-*шэ* 舍 (см. [9, цз. 75, с. 2353]), которые, возможно, находились на территории или вблизи резиденции хозяина, откуда происходят обозначения нахлебников «люди из палат [господина]» (*шэжэнь*) и «[проживающие] в сени врат» (*мэнься*, см. [12, цз. 10, Ци 3.7, с. 365]). Хозяева также обеспечивали их пищей, с чем связано ещё одно их название, «кормящиеся гости», или «нахлебники» (*ши кэ* 食客, см. [9, цз. 75, с. 2353; цз. 76, с. 2366, цз. 76, с. 2377]). В частности, у Мэнчан-цзюня было три разряда «гостей»: наиболее многочисленные «гости» низшего разряда ели постную пищу, более привилегированные «гости» среднего разряда получали рыбу. О рационе избранных, принадлежавших к высшему разряду, ничего не известно. Привилегированным «гостям» Мэнчан-цзюнь позволял пользоваться для выезда хозяйскими повозками (см. [9, цз. 79, с. 2418])¹⁴. При этом ему и Пиньюань-цзюню ставили в укор, что они тратили на содержание «гостей» меньше чем на своих многочисленных и привередливых наложниц (см. [9, цз. 75, с. 2353]).

Как было возможно содержание значительного числа не вовлечённых в производительный труд нахлебников?

Хотя во внутренней политике отдельных царств усматривались тенденции к ограничению размеров земельных пожалований, прекращению перехода должностных уделов в разряд наследственных и к замене земельной ренты жалованием натуральными продуктами или деньгами, эти нововведения пока ещё не носили всеобщего характера. Тянь Вэнь, Чжао Шэн, Вэй Цзи и Хуан Се, бывшие *сянами* в четырёх разных царствах, получили обширные территориальные кормления-*фэн* 封 с населением в десять тысяч крестьянских дворов, с которых они могли собирать подати (см. [9, цз. 75, с. 2359; цз. 76, с. 2375]). Более того, циньский *сян* Люй Бувэй удостоился в 249 г. до н.э. исключительного пожалования в сто тысяч дворов (см. [9, цз. 85, с. 2509]). Эти пожалования были связаны не только с назначением на должность *сяна*, но также с исключительным статусом этих лиц как близких родственников и приближённых царей. Несмотря на

¹⁴ Аналогичное разделение существовало и в гостевых палатах при дворах правителей царств, в которых ожидали аудиенции кандидаты, ищущие назначения на должности (см. [9, цз. 79, с. 2403]).

смещение с занимаемых постов, их уделы не возвращались в казну, но оставались в наследственном владении.

Отец Мэнчан-цзюня, Тянь Ин, известный под титулом Цзинго-цзюнь 靖郭君, был младшим братом циского Сюань-вана. Во время правления последнего он в течение одиннадцати лет занимал пост *сяна*. На третьем году правления преемника Сюань-вана, Минь-вана (321 г.), тот пожаловал своему дяде во владение (*фэн*) удел на территории княжества Сюэ 薛, недавно завоёванного царством Ци (см. [9, цз. 75, с. 2351]). Тянь Вэнь, один из многочисленных сыновей Тянь Ина, принял во владение Сюэ после его смерти (см. [9, цз. 75, с. 2353]). Одновременно ему был пожалован титул Мэнчан-цзюнь. Позже, когда Тянь Вэнь был в первый раз смещён с должности *сяна* и бежал в царство Цинь, он утратил свои права на Сюэ. После возвращения и восстановления в должности этот удел снова вернулся к нему и оставался в его владении, несмотря на последующие отставки. Из этого следует, что владение уделом было не напрямую связано с должностью *сяна* и что временное лишение прав было связано не со смещением с этого поста, но с бегством в стан врага.

Уделы Пинъюань и Синьлин также являлись кормлениями, не связанными с постом *сяна* напрямую. Чжао Шэн трижды назначался *сяном* и трижды отправлялся в отставку, что никак не влияло на его права владения уделом Пинъюань (см. [12, цз. 20, «Чжао» 3.11, с. 732; 9, цз. 76, с. 2369]). Права Вэй Ци на область Синьлин были сохранены за ним, даже когда он находился в изгнании в Чжао (см. [9, цз. 77, с. 2382]). Только Хуан Се, бывший, по мнению Сыма Цяня, «странствующим учёным», и Люй Бувэй, бывший ранее торговцем, получили свои уделы не как родственники царей, но в связи со вступлением на должность *сяна*. При этом Хуан Се вначале получил титул Чуньшэнь-цзюнь и удел, включавший 12 уездов к северу от реки Хуай 淮 в области Хуайбэй 淮北, а затем ещё и владение (*фэн*) к востоку от реки Янцзы 長江 в области Цзяндун 江東 (см. [9, цз. 78, с. 2394; 35, т. 7, с. 211]). Люй Бувэй же получил владение (*фэн*) Вэньсинь 文信 в Хэнани, куда он удалился после своей отставки в 237 г. (см. [9, цз. 85, с. 2509, 2513]). Таким образом, даже в царстве Цинь возврат однажды пожалованных уделов не был обязательным.

Территории, пожалованные *сянам*-«гостеприимцам», находились на удалении от столиц царств в приграничных районах. Сюэ, отдалённая местность на северном берегу реки Хуай, находилась на границе с царством Чу. Соседние территории к северу от реки Хуай, переданные Хуан Се, были отторгнуты царством Чу у царства Ци в 283 г. Чжао также лишь недавно отторгло область Пинъюань у царства Ци и стремилось закрепиться в ней (см. [9, цз. 76, с. 2365; 35, т. 7, с. 185]). Область Синьлин находилась недалеко от вэйской столицы Даляна на территории совр. уезда Нинлин пров. Хэнань, также

граничащей с царством Ци, что делало его защиту критической задачей (см. [35, коммент. к гл. 77, т. 7, с. 362]). Люй Бувэй же получил в наследственное владение территорию чжоуского царского дома, занятую Цинь после прекращения чжоуской династии в 256 г.

Пожалование земель на отдалении от столиц, в которых *сяны* теоретически должны были регулярно присутствовать, могло иметь двойные основания. С одной стороны, не имея возможности постоянно проживать в своих имениях, *сяны* могли использовать их в основном как источник материальных средств, но не как базу для осуществления своих политических амбиций. С другой стороны, необходимость поддерживать порядок в имениях, находившихся в приграничных районах, вынуждала владельцев уезжать из столицы и, таким образом, ослабляла их позиции при дворе. Это положение «между двух стульев» в итоге соответствовало интересам центральной власти, стремившейся ограничить личное усиление *сянов*.

По существу, уделы «четырёх мужей периода Чжаньго» и Люй Бувэй были сходны с военно-административными пограничными областями — *цзюнь* 郡. К середине периода Чжаньго на территориях, завоёванных у соседей, создавались уезды (*сянь* 縣) или более крупные административные образования — области (*цзюнь*). Как обобщает Марк Льюис, они управлялись назначенными чиновниками (*шоу* 守), подчинявшимися центральной администрации, а подати с проживавшего в них населения поступали в казну. В этих случаях создание областей обозначало введение прямого правления. По мнению Льюиса, хотя такие области физически были крупнее, нежели уезды, «они имели более низкий статус, так как находились в редконаселённых районах с малой стратегической ценностью» [26, с. 614]¹⁵. Ким Васильев, напротив, полагал, что области создавались «в особенно важных в военно-стратегическом отношении» пограничных районах (см. [34, с. 244])¹⁶.

¹⁵ Этот тезис Льюиса, несомненно, основывается на записи *Цзо чжуань* 左傳 о событиях 2-го года правления Ай-гуна, в которой говорится о наградах, обещанных участникам военного похода. Так, *тайфу* первого ранга были обещаны уезды, тогда как области — *тайфу* второго ранга. Это, однако, единственное упоминание *цзюнь* во всём тексте *Цзо чжуань*, не достаточное для того, чтобы делать какие-либо далеко идущие выводы.

¹⁶ Имеются указания на то, что области в целом имели большее значение по сравнению с уездами. Например, в диалоге Гань Мао 甘茂 и циньского У-вана (310–307) о готовящейся кампании против царства Хань говорится: «[Ханьский пограничный] Иян 宜陽 — это большой уезд (*сянь* 縣); Шандан 上黨 и Наньян 南陽 издавна [славятся] своим богатством. Они называются „уездами“, но на самом деле это области (*цзюнь* 郡)» [12, цз. 4, «Цинь» 2.6, с. 129; 9, цз. 71, с. 2311; цит. по 35, т. 7, с. 145].

Должность управителя области (*шоу*) существовала в администрации царства Цинь, в котором бюрократические структуры были наиболее развиты, и в некоторых других царствах¹⁷. Однако области могли управляться и правителями *цзюнь* 君¹⁸. Следует обратить внимание на то, что пожалование уделов четырёх *сянам* в царствах Ци, Чу, Чжао и Вэй сопровождалось присвоением им титула *цзюнь* 君 («господин», «правитель»). Этимологическая связь между понятиями *цзюнь* 君 и *цзюнь* 郡 не вызывает сомнения¹⁹. В связи с этим можно предположить, что термин *цзюнь* 君 являлся не просто титулом знатности²⁰, но и наименованием должности правителя пограничной области. Области, находившиеся под их контролем, были в большинстве своём густо населены и имели большое стратегическое значение²¹.

Представляется возможным, что именно своеобразие пограничных областей вызвало к жизни и определило специфику «гостеприимства» их правителей. Обладание обширными земельными

¹⁷ См. [9, цз. 5, с. 212, цз. 44, с. 1839, цз. 45, с. 1877].

¹⁸ См., например: «Циньская армия оказывала давление на Восточную область-*цзюнь* (Дунцзюнь 東郡). Её правитель (*цзюнь*) Цзюэ 君角 с чадами и домочадцами переселился в Еван 野王, чтобы, укрывшись за горами, защищать вэйский Хэнэй» [9, цз. 6, с. 224; 35, т. 2, с. 54]; «поскольку Цинь могущественно, владетельные князья (*чжухоу*) находятся по отношению к нему как бы на положении правителей (*цзюнь*) областей (*цзюнь*) и уездов (*сянь*)» (諸侯譬如郡縣之君) [9, цз. 6, с. 230; 35, т. 2, с. 57]. При разделе территории Китая на 36 областей, бывшее владение Мэнчан-цзюня Сюэ сохранило статус отдельной области (см. [9, цз. 6, с. 239, коммент. *Цзи цзе*]).

¹⁹ Графема 邑, используемая в качестве ключа, является сокращённым написанием графемы 邑 и — «город». Таким образом, слово *цзюнь* изначально обозначает «город» или «территория господина».

²⁰ По мнению Леонида Васильева, титул *цзюнь* был аналогичен титулу *цин* периода Вёсен и Осеней, передававшегося по наследству в «министерских» кланах (см. [34, с. 88–89]).

²¹ В частности, Хуан Се не просто получал доход, но обеспечивал военный контроль над территориями к северу от реки Хуай (см. [9, цз. 78, с. 2395; 35, т. 7, с. 212]). Впоследствии его удел был преобразован в военно-административную область *цзюнь*. Также и второе владение в Цзяндун имело статус *цзюнь* (см. [9, цз. 71, с. 2317]). Картина, которую мы наблюдаем на примере владения Хуан Се, плохо согласуется с наблюдениями Льюиса о малом значении областей *цзюнь*. Хуайбэй не только не был «мало населённым» и стратегически безынтересным, но, напротив, являлся районом мощнейшего напряжения не только в период описываемых событий, но и на протяжении многих предшествующих веков. Его преобразование в область произошло в результате объединения уездов под непосредственным контролем одного из первых лиц в государстве, и, несомненно, сопровождалось повышением административного статуса.

владениями в отдалении от столиц обеспечивало «гостеприимцам» изрядное благосостояние и оставляло им значительную свободу рук.

Если *сяны* располагали кормлениями в десять тысяч крестьянских дворов (см. [9, цз. 75, с. 2359; цз. 76, с. 2375]) и если данные о численности их «гостей» более-менее соответствуют действительности, то примерно три податных крестьянских двора должны были содержать одного «гостя». Такая нагрузка могла бы быть сильной, если бы крестьяне регулярно собирали хороший урожай, не должны были бы содержать своего господина, его наложниц и прислугу и не голодали сами. Реальная ситуация вряд ли соответствовала этому идеалу. Поиск дополнительных средств для обеспечения *бинькэ* был постоянной головной болью «гостеприимцев». Так, столкнувшись с трудностями содержания трёх тысяч «гостей» за счёт своих десяти тысяч дворов, Мэнчан-цзюнь «послал людей дать жителям Сюэ денег в рост. В конце года ожидаемая прибыль не поступила. Из тех, кто взял деньги, многие не смогли выплатить проценты. Средств для содержания гостей было по-прежнему недостаточно» (см. [9, цз. 75, с. 2360; см. также 35, с. 180]). Впоследствии Мэнчан-цзюню была пожалована дополнительно ещё тысяча дворов в той же местности (см. там же), что вряд ли могло радикально улучшить ситуацию. Остальное население Сюэ платило налоги в казну царства Ци.

Мэнчан-цзюнь впоследствии добился выделения Сюэ из состава царства и, таким образом, обрёл экономический контроль над всем его населением. Однако, Мэнчан-цзюню не удалось гарантировать независимость Сюэ от Ци после своей смерти (см. детали в следующем разделе). Младшие «гостеприимцы», наученные его примером, не стремились к обретению независимости и прибегали к менее опасным способам финансирования своего «гостеприимства». Собирая подати для царской казны на территории своих уделов, они придерживали часть средств и пускали их на содержание нахлебников. Так, Сыма Цянь указывает, что Пинъюань-цзюнь тратил на своих *бинькэ* так много, что он не справлялся с выплатой налогов в казну царства Чжао (см. [9, цз. 81, с. 2444]). Критики «гостеприимства» с негодованием отмечали, что «высокие сановники в своих частных интересах <...> отрезали от общественного богатства, чтобы частным образом содержать воинов» [3, гл. 45, с. 380]. Из этого можно сделать вывод, что показное «гостеприимство» и злоупотребление должностными полномочиями были двумя сторонами одной медали.

Применение «гостей»

Зачем «гостеприимцы» предпринимали такие усилия, чтобы содержать *бинькэ*?

Сыма Цянь указывал, что Мэнчан-цзюнь обеспечивал своих *бинькэ* не только жильём, но и «занятиями» (e 業). Однако, не известно, в чём они состояли²². Похоже, что в обычное время хозяева с трудом могли найти применение своим постояльцам. В отдельных случаях *бинькэ* могли выполнять мелкие административные поручения (см. [9, цз. 75, с. 2360]). Данные о том, что *бинькэ* занимались земледелием или ремеслом, отсутствуют. Также нет данных и о том, упражнялись ли *бинькэ* регулярно в боевых искусствах.

Частные вооружённые отряды в приграничных районах могли теоретически обеспечивать защиту от стихийного разбоя, но были слишком малочисленны, чтобы противостоять организованному военному натиску соседей. Марк Льюис называет их «малыми армиями» (см. [27, с. 77]). Однако размеры колоний *бинькэ*, которые можно было содержать за счёт сборов с податных крестьян в уделе с десятком или даже сотней тысяч дворов, были несопоставимы с размерами тогдашних армий, насчитывавших до нескольких сотен тысяч солдат. Поэтому о создании из *бинькэ* армий говорить не приходится. Их отряды скорее являлись эквивалентом клановых ополчений эпохи Чуньцю (которые Льюис также называет «армиями», см. [27, с. 35]). Не только владельцы уделов, но и правители царств могли осознавать полезность нахождения в пограничных районах дополнительного вооружённого контингента, способного какое-то время удерживать оборону до подхода настоящей армии.

С другой стороны, «гостеприимцы» окружали себя большим числом вооружённых нахлебников, чтобы добиваться большей самостоятельности по отношению к своим правителям. Такая деятельность в пограничных районах могла представлять собой угрозу для центральной власти и для территориальной целостности царств. Об этом свидетельствует пример Цзинго-цзюня Тянь Ина и его сына Мэнчан-цзюня Тянь Вэня.

Тянь Ин и Тянь Вэнь обнесли город Сюэ стенами, превратив его в крепость, что, правда, было сделано по согласованию с циским

²² В частности, Мэнчан-цзюнь отправил своего *бинькэ* Фэн Хуаня собирать недоимки с податных крестьян, не справившихся с обязательствами по поставкам продовольствия и выплатой процентов по займу в неурожайный год. Как повествует анекдот, вместо того чтобы выколотить из крестьян задолженности, Фэн Хуань сжёг долговые расписки и устроил пир за счёт своего хозяина, таким образом укрепив авторитет последнего (см. [9, цз. 75, с. 2353; 35, т. 7, с. 175]).

Минь-ваном. Тем не менее Минь-ван был обеспокоен тем, что Мэнчан-цзюнь собирает в крепости преданных себе «гостей»²³. На роль «гостей» в выделении Сюэ из царства Ци намекает обращённая к нему речь *бинькэ* Шэн Туаня в «Планах Сражающихся царств»: «Я бы желал, что то, что Ваша милость за счёт Ваших собственных закров принимаете мужей Поднебесной, принесло бы Вам, правитель, неожиданные изменения, подобно тем [изменениям], что Тянь-цзы Фан 田子方 и Дуань Ганьму 段干木 принесли вэйскому Вэнь-хоу 魏文侯, находясь на его службе» (см. [12, цз. 10, Ци 3.6, с. 364]). Ссылаясь на этот пример, Шэн Туань намекал, что благодаря своим «гостям» Мэнчан-цзюнь мог бы отделить свой удел от царства Ци²⁴.

Значительным шагом к независимости Сюэ было основание там Храма Пржежних Царей (см. [12, цз. 8, Ци 1.5, с. 302 и цз. 11, Ци 4.1, с. 382]). Таким образом, Тянь Ин и Тянь Вэнь заявили о намерении выделить собственную ветвь из клана циских царей, одновременно являвшихся главами клана Тянь и обладавших исключительным правом приносить жертвы духам старейших предков.

Правители Ци разными способами пытались воспрепятствовать сепаратистской деятельности Мэнчан-цзюня, то удаляя его за границу (см. [9, цз. 75, с. 2354]), то привлекая его в столицу и вновь назначая *сяном* (см. [9, цз. 75, с. 2354, 2355, 2362]). Однако, в этой должности Тянь Вэнь не удерживался надолго и возвращался обратно в Сюэ. Оттуда он вёл переговоры с правителями других царств, в том числе натравливая их на Ци²⁵. Добившись ослабления Ци, он обеспечил себе

²³ Создание оборонительных сооружений в Сюэ было темой беседы тэнского Вэнь-гуна 滕文公 и Мэн-цзы 孟子. С точки зрения правителя Тэн, оно осуществлялось по указанию правителя Ци и представляло угрозу для безопасности Тэн (см. [7, цз. 2, с. 160]). В одном из анекдотов из *Чжаньго цэ* рассказывается, что *бинькэ* Тянь Ина уговаривали его не обносить город стенами, чтобы не ограничивать себя в таком малом пространстве, отказываясь от свободы рук во всём царстве Ци (см. [12, цз. 8, «Ци» 1.3, с. 297]).

²⁴ Вэнь-хоу Ду 文侯都 (424–387 гг. до н.э.) был главой министерского клана Би 畢, служившего правящему дому влиятельнейшего в период Чуньцю царства Цзинь и владевшего наследственным уделом Вэй 魏. Дуань Ганьму был «гостем» (кэ) Вэнь-хоу (см. [9, цз. 44, с. 1839; 35, т. 6, с. 82]). Тянь-цзы Фан, как и сам Мэнчан-цзюнь, принадлежал к роду Тянь и происходил из царства Ци (см. 10, цз. 12, гл. 33, с. 679). И Дуань Ганьму, и Тянь-цзы Фан были учениками учеников Конфуция. В конце V в. до н.э. вэйский Вэнь-хоу вместе с министрами — владельцами уделов Чжао и Хань 韓 разделили царство Цзинь между собой.

²⁵ Когда в 286 г. до н.э. Минь-ван захватил царство Сун 宋 и вознамерился включить его территорию в состав царства Ци, владение Сюэ оказалось препятствием на пути осуществления этого плана. Мэнчан-цзюнь бежал тогда в сосед-

под конец жизни положение «наравне с *чжухоу*», т.е. сделал Сюэ независимым (см. [9, цз. 75, с. 2358; 35, т. 7, с. 179]). При этом до вовлечения *бинькэ* в реальные боевые действия так и не дошло, и функция «гостеприимства» Мэнчан-цзюня осталась стратегической.

Успех Тянь Вэня не устраивал не только циских Минь-вана и Сян-вана, но и других соседей, обеспокоенных, что его примеру могут последовать другие обладатели крупных земельных пожалований. Это обозначало бы возврат к ситуации эпохи Чуньцю, когда существовала масса клановых государств с территорией, которую можно было пересечь из конца в конец пешком за пару дней. В результате после смерти Мэнчан-цзюня в 271 г. циский Сян-ван и вэйский Аньли-ван совместными усилиями уничтожили владение Сюэ вместе со всеми претендентами на наследство (см. [9, цз. 75, с. 2358; 35, с. 180]).

Печальный пример Мэнчан-цзюня сделал очевидной невозможность возврата к ситуации периода Чуньцю. Младшие из знаменитых «гостеприимцев» не пытались использовать *бинькэ* в сепаратистских целях, несмотря на выгодное территориальное положение их уделов. Однако, кроме этих популярных героев анекдотов из *Чжаньго цэ*, в середине III в. до н.э. существовали и другие лица, собиравшие в своих уделах гостей. Возможно, они пытались добиться независимости от центральной власти, в чём современник младших «гостеприимцев» Хань Фэй 韓非 (280–233) видел реальную опасность: «Некоторые правители пасуют перед могуществом авторитета, который их сановники завоёвывают среди массы народа <...> Некоторые сановники принимают у себя мужей с мечами, и выкармливают воинов, готовых пойти за них на смерть, чтобы укрепить свой авторитет. Они показывают, что те, кто им служит, обретут выгоду, а те, кто действует им наперекор — смерть, запугивая таким образом чиновников и массы народа ради осуществления своих частных целей» (см. [8, цз. 2, гл. 9, с. 55]).

В геополитической ситуации середины III в. до н.э. сепаратистские амбиции знати отошли на второй план. Царство Цинь стремительно набирало силу, вынуждая соседей искать способы противостоять ему. Осознавая эти задачи, младшие «гостеприимцы» действовали как патриоты, хотя их деятельность в действительности не способствовала укреплению позиций их царств.

В некоторых случаях «гостеприимцы» пытались задействовать своих *бинькэ* при выполнении поручений, связанных с внешнеполитическими функциями *сяна*. Отправляясь с посольством от имени Чжао в царство Чу, Пинъюань-цзюнь набрал свою свиту из числа «кормящихся у него гостей» и людей, «проживающих в сени его

нее царство Вэй, где получил должность *сяна*. Он воспользовался этим, чтобы спровоцировать войну Вэй против Ци, закончившуюся поражением Ци в 284 г.

врат» (*ши кэ мэнь ся* 食客門下)» (см. [9, цз. 76, с. 2366; 35, т. 7, с. 186]). Чуньшэнь-цзюнь, принимавший чжаоского посла, также отпустил встретить его не государственных чиновников царства Чу, а своих *бинькэ* (см. [9, цз. 78, с. 2395]). Выставив, с одной стороны, остроумных и красноречивых, а с другой стороны, разодетых в пух и прах *бинькэ*, участники переговоров старались повысить свой авторитет и авторитет представляемых ими царств²⁶. Однако, дух конкуренции скорее препятствовал успеху этой дипломатической встречи.

В других случаях «гостеприимцы» пытались вести партизанскую борьбу против Цинь, привлекая *бинькэ* как исполнителей сложных поручений и диверсий. Синьлин-цзюню удалось мобилизовать своих *бинькэ* в один из наиболее драматических моментов истории периода Чжаньго.

В 257 г. циньский Чжаосян-ван 昭襄王 (306–251) в битве под Чанпином нанёс поражение чжаоской армии, после чего двинул свои войска дальше и окружил столицу Чжао город Ханьдань 邯鄲 (см. [9, цз. 77, с. 2379]). Царство Чжао с трудом могло обеспечивать его долгосрочную оборону. Пинъюань-цзюню удалось дополнительно поднять на его защиту «три тысячи готовых пойти на смерть мужей» [9, цз. 76, с. 2369, 35, т. 7, с. 189], видимо, из числа *бинькэ*, но эта мера также не могла радикально исправить ситуацию.

Супруга Пинъюань-цзюня была сестрой вэйских Аньли-вана и Синьлин-цзюня. Чжао надеялось на родственную помощь через этот канал. Аньли-ван действительно отправил на помощь Чжао стотысячную армию во главе с военачальником Цзинь Би 晉鄙. В ответ на это циньский Чжаосян-ван отправил в Вэй гонца с угрозой, что если Вэй посмеет мешать продвижению циньских войск, то Цинь объявит войну и ему. Аньли-ван не осмелился противодействовать Цинь и приказал Цзинь Би остановиться в крепости Е 鄴.

Не получив поддержки от Аньли-вана, Пинъюань-цзюнь постарался действовать через его младшего брата. Синьлин-цзюнь Вэй Цзи безрезультатно пытался убедить правителя Вэй оказать помощь чжаосцам, отправляя к нему с увещеваниями «своих *бинькэ* и искусных в спорах мужей». Тогда он решился самовольно выступить навстречу циньским войскам, попросив своих *бинькэ* приготовить сотню повозок, «чтобы погибнуть... вместе с Чжао» [9, цз. 77, с. 2379, цит. по 35, т. 7, с. 198–199], поскольку реальное сопротивление с таким отрядом оказать было невозможно. Однако, *бинькэ* предложили и осуществили хитроумный план, добыв для Синьлин-цзюня цар-

²⁶ Это был не первый случай использования *бинькэ* как участников посольства. В IV в. до н.э. чжуншаньский *сян Юэ Чи* отправился с посольством в Чжао с конвоем в сто повозок и свитой из самых «мудрых и способных из своих *гостей*» (см. [10, цз. 9, гл. 30]).

скую верительную бирку, разрешающую подменить военачальника и взять на себя командование войсками. С этой биркой Синьлин-цзюнь вместе с *бинькэ* проехал в ставку Цзинь Би²⁷. Цзинь Би, однако, заподозрил неладное, и *бинькэ* убили его. Тогда Синьлин-цзюнь принял обязанности командующего на себя, двинул их в Чжао и снял осаду с Ханьдана (см. [9, цз. 77, с. 2380–81]).

Хотя геройская акция Синьлин-цзюня принесла ему славу, она также привела к дальнейшему ухудшению отношений между Вэй и Цинь. Подчеркивая её несанкционированный характер и пытаясь задобрить Цинь, вэйский Аньли-ван объявил своего младшего брата преступником. Вэй Цзи оставался в ссылке в Чжао в течение десяти лет, получив от чжаоского Сяочэн-вана (265–245) небольшое земельное пожалование в Хао 鄆 в награду за оказанную помощь (см. [9, цз. 77, с. 2382; 35, т. 7, с. 203]).

«Гостеприимство» и авторитет

Ещё в I в. н.э. Ван Чун 王充 обращал внимание на то, что число «три тысячи», характеризующее знаменитые колонии «гостей», было символическим (см. [1, цз. 8, гл. 26, с. 369]). Для внешних наблюдателей многочисленность «гостей» служила выражением доблестей и престижа «гостеприимцев». Не случайно Сыма Цянь писал, что число *бинькэ* Мэнчан-цзюня, самого старшего и наиболее доблестного из «четырёх мужей эпохи Сражающихся царств», «превышало» три тысячи, тогда как в колонии Пинъюань-цзюня, считавшегося человеком недалёким, насчитывалось лишь «до нескольких тысяч гостей», да и то не всегда. Когда вэйский Синьлин-цзюнь, отличившийся при защите Ханьдана, переселился в Чжао, к последнему даже перебежала часть «гостей» Пинъюань-цзюня. Случилось это будто бы из-за того, что тот осудил Синьлин-цзюня за якшание с людьми низкого происхождения и сомнительных занятий. В другой раз *бинькэ* покинули Пинъюань-цзюня, когда он отказался казнить им в угоду свою наложницу, осмеявшую хромого калеку. «Текучесть кадров» явно характеризовала Пинъюань-цзюня не самым лучшим образом.

²⁷ *Бинькэ* якобы убедили Жу Цзи 如姬, любимую наложницу Аньли-вана, выкрасть находившуюся у него половину верительной бирки, совмещение которой с половиной, находившейся у Цзинь Би, позволяло армии выступить в поход. Историческая достоверность этого рассказа вызывает сомнения. Похожий сюжет, включавший в себя воровство и участие наложницы, имеется и в биографии Мэнчан-цзюня (см. [9, цз. 75, с. 2354–5]).

Привлечение значительного числа «гостей» способствовало росту престижа и славы «гостеприимцев». Так, когда Тянь Ин доверил своему сыну Вэню принимать *бинькэ* от имени семьи, «*бинькэ* стали прибывать с каждым днём, и имя его прославилось среди *чжухоу*» [9, цз. 75, с. 2353].

Чтобы удерживать «гостей» в условиях конкуренции, хозяева были озабочены поддержанием своего авторитета среди них. Для этого они демонстрировали, что относятся к нахлебникам как к родственникам (*цинь* 親, *цзя* 家), без видимого пристрастия к кому-либо из них и невзирая на их социальное происхождение или благосостояние (см. [12, цз. 11, *Ци* 4.1., с. 381; 9, цз. 75, с. 2354, 2359]). Так, отнесение к тому или иному разряду «гостей» на подворье Мэнчан-цзюня зависело от талантов и заслуг, а не от знатности и богатства (см. [9, цз. 75, с. 2353]). Также и Синьлин-цзюнь демонстративно отмечал достоинства своих «гостей», невзирая на их низкое происхождение (см. [9, цз. 77, с. 2378]). Таким образом, в колонии выстраивалась собственная социальная иерархия на меритократической основе. Если *бинькэ* и выражали недовольство, то не столько в связи с самим существованием иерархии, сколько с тем местом, которое отводилось в ней им самим.

Для поддержания близости с «гостями», хозяева устраивали совместные трапезы²⁸. Когда во время такой трапезы, проходившей вечером в доме Мэнчан-цзюня, кто-то случайно погасил свет, один из «гостей» возмутился и хотел уйти, заподозрив, что ему подали пищу «не в соответствии с его рангом». Мэнчан-цзюнь вскочил тогда со своего места и показал гостю, что в его собственной чашке находится точно такое же содержимое. Гость от стыда перерезал себе горло (см. [9, цз. 75, с. 2354]). Стремясь продемонстрировать своё уважение «гостям», вэйский принц Синьлин-цзюнь приглашал наиболее достойных из них на пиры вместе с вэйскими военачальниками, советниками и членами царской семьи (см. [9, цз. 77, с. 2378]).

Одновременно высокий официальный статус и престиж хозяев на политической сцене царств являлся необходимым условием «гостеприимства». Поэтому многие «гости» покидали хозяев, когда те попадали в опалу. Так, многие *бинькэ* покинули Мэнчан-цзюня, когда он был смещён с поста *сяна* (см. [9, цз. 75, с. 2361]). «Гости» также покинули дом чжаоского военачальника Лянь По, после того как он потерпел неудачу в битве под Чанпином и был отправлен в отставку (см. [9, цз. 81, с. 2448]).

Из историй о «четырёх мужах периода Чжаньго» явствует, что увеличение их авторитета причиняло центральной власти значитель-

²⁸ Пирь с *бинькэ* иногда представляли собой пьяные оргии (см. [9, цз. 79, с. 2401; 35, т. 7, с. 216; 9, цз. 85, с. 2511; 35, т. 7, с. 298]).

ные неудобства. Оказывая внимание мужам-ши, они отвлекали на себя симпатии той самой социальной группы, участие которой было так важно для проведения централизаторской политики в царствах. Их слава, обретенная не в последнюю очередь благодаря «гостеприимству», умаляла величие и наносила ущерб авторитету царей.

Сыма Цянь приводит диалог пришлого советника Фань Суя 范睢 с циньским ваном: «...я слышал, что в Ци есть Тянь Вэнь... но не слышал, чтобы там был ван... Ведь ваном называется человек, который держит власть в государстве в своих руках» (см. [9, цз. 79, с. 2411, цит. по: 35, т. 7, с. 224]). Также о вэйском Синьлин-цзюнь говорили: «Принц командует вэйскими войсками, ему же подчинены военачальники других чжухоу; поэтому все чжухоу слышат только о его деяниях и ничего не знают о вэйском ване. Принц наверняка всё это время думает сесть лицом к югу²⁹, а чжухоу, трепеща перед его мощью, захотят помочь ему в его устремлениях» (см. [9, цз. 77, с. 2384; 35, т. 7, с. 204]).

Амбивалентность роли сянов-«гостеприимцев» в их царствах просматривается между строк характеристики, данной «четырёх мужам эпохи Сражающихся царств» Сыма Цянем: 春申君既相楚, 是時齊有孟嘗君, 趙有平原君, 魏有信陵君, 方爭下士, 招致賓客, 以相傾奪, 輔國持權 [9, цз. 78, с. 2395].

Эта фраза может быть прочитана по-разному. Так, в известном переводе Рудольфа Вяткина она звучит так: «В то время, когда Чуньшэнь-цзюнь стал сяном у правителя Чу, в княжестве Ци [сяном] был Мэнчан-цзюнь, в Чжао — Пиньюань-цзюнь, в Вэй — Синьлин-цзюнь. Все они состязались во внимании к учёным мужам, собирали вокруг себя бинькэ, чтобы соревноваться друг с другом и помогать своим княжествам, поддерживая власть [своих правителей]» [35, т. 7, с. 212].

Подобное прочтение представляет четырёх сянов лояльными по отношению к их правителям. Однако, та же фраза может быть переведена и так: «Когда Чуньшэнь-цзюнь был сяном в Чу, в то же время в Ци [сяном] был Мэнчан-цзюнь, в Чжао — Пиньюань-цзюнь, в Вэй — Синьлин-цзюнь. Они только и знали, что состязались друг с другом из-за незнатных мужей, зазывали к себе гостей и истощали друг друга взаимным соперничеством. Занимая позиции вторых лиц в государстве, они брали власть в свои руки».

Чжаньгоские «гостеприимцы» вряд ли действительно намеревались сместить с престола своих царей, бывших одновременно их кузенами или племянниками. Но распространяя о себе славу тех, кто привечает достойных мужей Поднебесной, они присваивали функции «хозяина», присущие роли царя. Ещё в шанское и западночжоуское

²⁹ Т.е. узурпировать престол: позицию лицом к югу занимали правители царств во время церемоний.

время *ванов* регулярно устраивали для крупной и мелкой аристократии и для чиновников разного уровня приёмы, сопровождавшиеся раздачей даров и служившие укреплению царского авторитета (см. [24, 25]). Подобные приёмы устраивались не только в царских столицах, но и в других местах. После переезда чжоуского двора на восток возможности *ванов* и финансировать приёмы, и разъезжать сильно снизились, и функции «гостеприимцев» в рамках восточночжоуской мультигосударственной системы (см. [31]) взяли на себя правители сильнейших царств, организовывавшие съезды *чжухоу* в специально выбиравшихся для этого местах (см. [25]). В периоды Чуньцю и Чжаньго царства обменивались друг с другом посольствами, участники которых назывались «гостями» (*бинькэ*). Привлечение иностранных «гостей» способствовало подъёму как внешнего, так и внутреннего авторитета правителей царств. Не случайно в период Вёсен и Осеней правители ряда царств прославляли своих «гостей» в надписях на бронзовых колоколах, использовавшихся на пирах в их дворцах (см. [36, 38]). В период Сражающихся царств коммуникация между царствами уже не ограничивалась обменом посольствами, и уже упоминавшаяся свобода передвижения лиц категории *ши* была одним из проявлений нарастающей социальной и пространственной мобильности людей (см. [23]). Отражая этот процесс и осознавая возможность его использования в политических целях, мыслители того времени советовали правителям привлекать к себе достойных мужей независимо от их социального и территориального происхождения. Добровольный приход людей для служения правителю должен был обозначать признание его авторитета и даже права претендовать на власть над всем древнекитайским пространством. В частности, современник младших «гостеприимцев» Сюнь Куан, чьи идеи изложены в трактате *Сюньцзы* 荀子, заявлял: «Если правитель будет управлять людьми, руководствуясь принципами справедливости и доверия, его слава достигнет четырёх морей, и отклик Поднебесной будет подобен возгласу радости. Как это будет? Его благородное имя ничем не запятнано, а Поднебесная управляется. Поэтому проживающие вдали слагают песни и баллады, прославляя его, а проживающие вдали стремительно бегут, чтобы скорее примкнуть к нему, спотыкаясь друг о друга. Все живущие среди четырёх морей стали словно единая семья, потому что куда бы ни донеслась весть о нём, нет никого, кто не последовал бы за ним и не явился бы для исполнения своих обязанностей. О таком правителе говорят как о наставнике людей. Как сказано в „Книге Песен“ (*Шицзин* 詩經), „с запада и с востока, с юга и с севера, нет никого, кто даже подумал бы о том, чтобы не исполнить гостевую повинность (*биньфу* 賓服)“» [7, с. 130].

Подобные манифесты оставляли значительную свободу интерпретации. Привлекая к себе *ши* и демонстрируя в отношениях с ни-

ми «справедливость и доверие», «гостеприимцы» пытались имитировать идеальных правителей, достойных если не править всей Поднебесной, то по крайней мере обладать более широкой властью в своих царствах. Таким образом, они ставили под сомнение авторитет и компетентность самих правителей, которые, за редким исключением, нахлебников не содержали.

Люй Бу-вэй оценил эту символическую престижеобразующую функцию «гостеприимства» и использовал её для укрепления позиций царства Цинь (см. [9, цз. 85, с. 2510]).

Хотя в царстве Цинь пришлым людям нередко предоставлялись возможности занять государственные должности, частное «гостеприимство» там не поощрялось. Циньский канцлер Шан Ян, сам уроженец княжества Вэй 衛, считал «странствующих мужей» опасными раздражителями социального спокойствия наряду с торговцами (см. [14, гл. 3, с. 31]). Когда циньский Чжаосян-ван временно назначил циского Мэнчан-цзюня на должность *сяна* в 299 г. и тот явился в Цинь вместе со своими *бинькэ*, циньский правитель заподозрил его в мятежных намерениях и заключил в тюрьму (см. [9, цз. 75, с. 2354]). Впоследствии должность *сяна* занимал дядя Чжаосян-вана, Жан-хоу 穰侯, относившийся к *бинькэ* резко отрицательно. Он полагал, что от них «нет никакого толку, они лишь вносят смуту и [в души] людей и [в жизнь] государства» [9, цз. 79, с. 2403; цит. по 35, т. 7, с. 217].

Циньский принц Цзы Чу 子楚, внук Чжаосян-вана, находился заложником в царстве Чжао как раз в то время, когда там гремела слава Синьлин-цзюня и Пиньюань-цзюня. Люй Бувэй, занимавшийся торговлей в столице Чжао Ханьдане, стал снабжать Цзы Чу деньгами, чтобы тот начал собирать вокруг себя *бинькэ* по примеру принцев центральнокитайских царств. Когда в 249 г. Цзы Чу стал циньским правителем и назначил Люй Бувэя полномочным канцлером, тот стал целенаправленно призывать в Цинь *ши*, «стыдясь того, что Цинь, будучи сильным государством, в этом отстаёт от других» [9, цз. 85, с. 2510, цит. по 35, т. 7, с. 298].

В результате Люй Бувэй собрал на своём собственном подворье наиболее выдающуюся колонию «гостей», которая одна лишь оставила после себя заметный след в истории и культуре древнекитайского общества. По словам Сыма Цяня, Люй Бувэй «заставил каждого из своих „гостей“ записывать то, что они знали. Из этих записей было составлено 8 обзоров, 6 рассуждений, 12 описаний общим объёмом более 200 тысяч знаков. В этой книге было исчерпывающе изложено всё, что касалось Неба, Земли, всего существующего в мире, события древности и современности» [9, цз. 85, с. 2510, цит. по 35, т. 7, с. 298]. Эта книга получила название «Вёсны и осени господина Люя» (*Люйши чуньцю* 呂氏春秋). Её текст был вывешен у ворот сто-

лицы Цинь Сяньяна 咸陽, что превращало её в официально санкционированный документ. В отличие от *сянов* — родственников царей, занятых в основном укреплением собственного авторитета, Люй Бувэй старался использовать своё «гостеприимство» как инструмент пропаганды в государственных интересах царства Цинь.

Несмотря на то что установка на цивилизованность отличала Люй Бувэя от менее разборчивых «четырёх мужей», привлекавших к себе головорезов, Сыма Цянь не считал возможным говорить о «пяти мужах» периода Чжаньго. По-видимому, это было связано с критическим отношением Сыма Цяня к роли Люй Бувэя в установлении деспотической власти сына Чжуансян-вана Чжэна, впоследствии поправшего независимость прочих царств и создавшего первую китайскую империю. Представляется совершенно справедливым мнение Ханса ван Эсса о том, что в личностях «четырёх мужей» Сыма Цяня привлекали, напротив, намерения и способности противостоять абсолютистской власти. Более того, как полагает немецкий исследователь *Ши цзи*, воссоздавая образы своих героев с заметной симпатией, Сыма Цянь, живший во время правления деспотичного ханьского императора У-ди 武帝 (141–87 гг. до н.э.), подводил читателя к мысли о желательности создания противовеса такому единоличному господству (см. [21, с. 90]).

Отношение Сыма Цяня к Люй Бувэю было неоднозначным. Хотя он и изображал его как интригана, с другой стороны, он не скрывал своего восхищения и риторически восклицал: «Не относится ли Люй к тем, кого Конфуций называл *вэнь* 聞 („прославленными“)?» [9, цз. 85, с. 2514; см. также 35, т. 7, с. 300].

Сыма Цянь ссылается здесь на следующий фрагмент *Лунь юя* 論語 («Бесед и суждений») — базового сочинения конфуцианского канона: «Цзы Чжан спросил: „Что должен делать муж, чтобы добиться успеха?“ Учитель (Конфуций. — М.Х.) ответил: „Что ты имеешь в виду под успехом?“ Цзы Чжан ответил: „Служа государству, непременно добиваться славы, служа семье — непременно добиваться славы“. Учитель сказал: „Это обозначает быть прославленным, а не успешным. Что касается того, кто добивается успеха, его характер прям, он любит справедливость, следит за своими словами и за своей внешностью. Поэтому в государстве он добивается успеха, и в семье он добивается успеха. Что касается того, кто добивается славы, во внешнем он принимает гуманность, но в своём поведении он действует вопреки ей. Если ему удастся действовать так без сомнения в себе, в государстве он добьётся славы, и в семье он добьётся славы“» [5, 12:20; ср. 18, с. 94].

Таким образом, с точки зрения Конфуция, слава не обязательно приравнивалась к успеху, а её обретение было сопряжено с моральными издержками.

Слава, обретенная *сянами* «Сражающихся царств» не за счёт реформ, военных побед или политических решений, но, скорее за счёт их авантюризма и, не в последнюю очередь, показного «гостеприимства», заставляла царей относиться к ним с недоверием и стараться удалить их со сцены. Сюнь Куан сформулировал упреки в адрес «чиновников-узурпаторов» (*цуньчэнь* 篡臣), образцом которых он считал Мэнчан-цзюня: «В отношениях с вышестоящими они неверны своим правителям, в отношениях с нижестоящими они добиваются признания у народа, не заботясь о единой морали и всеобщей справедливости. Окружают себя кликами сторонников и находятся вблизи правителя для осуществления своих частных замыслов» [10, с. 289–290].

По иронии судьбы, когда Сюнь Куана изгнали из царства Ци около 250 г., он отправился в царство Чу искать покровительства у одного из четырёх знаменитых «гостеприимцев» — Чуньшэнь-цзюня Хуан Се (см. [9, цз. 74, с. 2348]).

Хотя Мэнчан-цзюнь Тянь Вэнь умер в 271 г. на вершине своей славы, добившись статуса *чжухоу*, его потомки были убиты сразу после его смерти. Судьбы других «гостеприимцев» закончились так же драматично. Обвинённый в узурпаторских намерениях Синьлин-цзюнь Вэй Ци был отправлен в отставку, спился и умер в неизвестности в 243 г. Бесславно закончилась и жизнь Чуньшэнь-цзюня Хуан Се, который был убит в 238 г. в результате своей собственной интриги. Циньский же *сян* Люй Бувэй, снятый с поста на 10-м году правления Чжэна и выдворенный в своё владение Вэньсинь, был вынужден покончить с собой в 235 г. Его трагический пример показывает, что, несмотря на попытки использовать «гостеприимство» на благо государства, его деятельность вызвала недоверие центральной власти. Только наименее претенциозный из «гостеприимцев», Пинъюань-цзюнь Чжао Шэн, спокойно прожил свой век, мирно скончался в 251 г. и даже передал свой удел по наследству детям. Они погибли, лишь когда Цинь поглотило Чжао в 222 г. до н.э.

Итоги жизни большинства «гостеприимцев» демонстрируют бессилие «олигархов», пытавшихся противостоять процессу централизации и концентрации государственной власти, опираясь при этом на плохо управляемые и основанные на меритократических принципах частные структуры. Подводя итог их деятельности, Сыма Цянь признавал, что «гостеприимцы» не смогли реализовать свой потенциал и растратили себя все (см. [9, цз. 76, с. 2376]).

Заключение

Многочисленные упоминания о *бинькэ*, *мэнься* и *ю ся* в текстах периода Чжаньго указывают, что частное «гостеприимство» было весьма распространённым явлением поздней доимперской эпохи.

«Гостей» содержали, как правило, лица, занимавшие высшие посты в государственной иерархии — канцлеры, министры, генералы. Неизвестно, имелись ли «гостеприимцы» среди обладателей должностей более низкого уровня. Группы *бинькэ*, включавшие до нескольких тысяч человек, существовали в приграничных областях, правители которых имели резиденции на их территории и имели право собирать в них подати.

«Гости», искавшие пристанища на подворьях вельмож, частью происходили из низших слоев аристократии, но большинство их было выходцами из простонародья. Главные способности, ради которых их готовы были содержать «гостеприимцы», состояли в умелом обращении с оружием. Ценились и такие личные качества, как находчивость, смелость, самоотверженность и авантюризм. Не в последнюю очередь приветствовалась и образованность. «Гости» время от времени выполняли различные индивидуальные поручения, но конкретные услуги требовались от них не так часто. Их наиболее важной миссией было само проживание на подворьях «гостеприимцев», так как многочисленность «гостей» являлась подтверждением престижа последних.

Чтобы обеспечить их преданность, «гостеприимцам» постоянно приходилось подтверждать свой авторитет. До тех пор пока *бинькэ* окружали своих хозяев, те продолжали оставаться источником беспокойства для центральной власти, поскольку их знаменитое «гостеприимство» заставляло внутренних и внешних наблюдателей задавать вопрос «кто же является первым лицом в стране»?

Щедрость затрат на приём *бинькэ*, по большей части ничего не предоставлявших взамен своим хозяевам, демократичность «гостеприимцев», авантюризм и тех, и других, их противостояние государственной власти вызывали у современников и восхищение, и иронию, и одобрение, и негодование. Представители разных философско-политических течений периода Чжаньго критически относились к показному «гостеприимству». Так, не только идеолог легизма Хань Фэй-цзы, но также и последователь Конфуция Сюнь-цзы отрицательно оценивали создание группировок нахлебников. Ханьские авторы — Цзя И и Сыма Цянь, ностальгировавшие по политическому многообразию эпохи Сражающихся Царств, относились к «четырёх гостеприимным мужам» скорее с симпатией, но признавали, что они так и не смогли реализовать свой потенциал.

Литература

1. Ван Чун. Лунь Хэн (Взвешивание рассуждений) / Хуан Хуэй (ред.). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1990.
2. Го юй и чжу («Речи царств» с переводом и комментариями) / Се Аньцин, Ван Ляньшэн (комм., совр. пер.). Чанчунь: Цилинь вэньши чубаньшэ, 1991.
3. Гуаньцзы цзяо ши (Трактат «Гуаньцзы» с критическими комментариями) / Янь Чанъяо (ред.). Чанша: Юэлу шушэ, 1996.
4. Лици цзи цзе («Записи о ритуалах» со сводными комментариями) / Сунь Сидань и др. (ред.). Сер. «Шисаньцзин Цинь жэнь чжу шу». Пекин: Чжунхуа шудянь, 1989.
5. Луньюй (Беседы и суждения) / Ян Боцин, Ян Цэлинь (ред.). Сер. «Шисаньцзин цзиньчжу цзиньши», т. 2, с. 1955–2066.
6. *Мияцзаки, Ишисада*. Чугоку кодай широн (Исследования по древней истории Китая), Токио: Хейбонша, 1988.
7. Мэнцзы чжэн и (Трактат «Мэнцзы» в исправленном истолковании) / Цзяо Сюнь (комм.). Сер. «Шисаньцзин Цинь жэнь чжу шу». Пекин: Чжунхуа шудянь, 1987.
8. Сюньцзы цзи ши (Трактат «Сюньцзы» со сводными объяснениями) / Ли Таошэн (ред.). Тайбэй: Тайвань сюэшэн шуцзюй, 1981.
9. *Сьма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1953, репр. 1973.
10. Ханьфэйцзы цзи цзе (Трактат «Ханьфэйцзы» со сводными комментариями) / Ван Сяньшэнь (ред.). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1998.
11. Чжуанцзы цзи ши (Трактат «Чжуанцзы» со сводными объяснениями) / Го Цифань (сост., комм.). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1961.
12. Чжаньго цэ чжу ши («Планы сражающихся царств» с комментариями и объяснениями) / Хэ Цзяньчжан (ред.). Пекин: Синьхуа шудянь, 1990.
13. *Хань Юньбо*. Чжунго ся вэньхуа (Китайская рыцарская культура). Чунцин: Чунцин чубаньшэ, 2004.
14. Шанцзюнь шу цзинь чжу цзинь и («Книга правителя области Шан» с современными комментариями и современным переводом) / Хэ Линсюй (ред.). Тайбэй: Тайвань шанью иньшугуань, 1987.
15. Яньцзы чуньцю цзи ши («Вёсны и осени Янь-цзы» со сводными объяснениями) / У Цзэюй (ред.). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1962.
16. *Blakeley, Barry B.* King, Clan and Courtier in Ancient Ch'u // *Asia Major*. Vol. V, P. 2 (1992). P. 1–39.
17. *Blakeley, Barry B.* Regional Aspects of Chinese Socio-Political Development in the Spring and Autumn Period (722–464 BC): Clan Power in a Segmentary State. Диссертация, University of Michigan, 1970.
18. *Brooks, E. Bruce, Brooks, A. Taeko.* The Original Analects. Sayings of Confucius and His Successors. New York: Columbia University Press, 1997.
19. *Cardini, Franco.* Alle radici della cavalleria medievale. Firenze: La Nuova Italia, 1981 (см. также рус. пер.: *Кардини, Франко*. Истоки средневекового рыцарства / Гайдук В.П. (пер.). М.: Прогресс, 1987).

20. *Creel, Herrlee G.* The Origins of Statecraft in China. Vol. 1. The Western Zhou Empire. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
21. *Ess, Hans van.* Die Aufzeichnungen des Historiographen, die erste Standardgeschichte Chinas, und das Aufkommen des bürokratisch organisierten Zentralstaates (Anhang: Shih-chi 124: Die Fahrenden Haudegen) // Hose, Martin (ред.). Große Texte alter Kulturen, Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 2004.
22. *Gat, Azar.* War in Human Civilization, Oxford: Oxford University Press 2006.
23. *Hsu, Cho-yun.* Ancient China in Transition. An Analysis of Social Mobility, 722–222 B.C. Stanford: Stanford University Press, 1965.
24. *Keightley, David N.* The Late Shang State: When, Where, What? // The Origins of Chinese Civilization / David N. Keightley (ed.). Berkeley: U. of California Press, 1983. P. 523–564.
25. *Khayutina, Maria.* Royal Hospitality and Geopolitical Constitution of the Western Zhou Polity (1046/5–771 BC) // T'oung Pao 96.1–3 (2010). P. 1–73.
26. *Lewis, Mark Edward.* Warring States Political History // Loewe, Michael and Shaughnessy, Edward (eds). The Cambridge History of Ancient China Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 587–650.
27. *Lewis, Mark Edward.* Sanctioned Violence in Early China. New York: State Univ. of New York Press, 1990.
28. *Liu, James J.Y.* The Chinese knight-errant. Chicago: The University of Chicago Press, 1967.
29. *White, Lynn.* Medieval Technology and Social Change. Oxford: Oxford UP, 1962.
30. *Maspero, Henri.* La Chine antique. Paris: E. de Bocard, 1927.
31. *Walker, Richard Louis.* The Multi-State System of Ancient China. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1953.
32. *Zhao, Jian.* The Early Warrior and the Birth of the Xia // Nagoya University of Commerce and Business Administration Journal of Language, Culture and Communication. Т. 3:2, ноябрь 2001. С. 21–42.
33. *Васильев К.В.* Истоки Китайской цивилизации, М.: Восточная литература, 1998.
34. *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. 3. Москва: «Восточная литература», 2006.
35. *Вяткин Р.В.* и др. (пер., комм.): Сыма Цянь. Исторические записки. М.: Восточная литература, 1972–2010. Т. 1–9.
36. *Крюков В.М.* Ритуальная коммуникация в Древнем Китае. Москва: ИВ РАН, 1997.
37. *Малявин В.В.* (пер.): Чжуан-цзы: Даосские каноны. М.: Изд-во «Астрель», 2002.
38. *Хаятина М.С.* Институты «друзей» и «гостей» в древнем Китае. Эволюция социальных и политических явлений и соответствующей терминологии в периоды Западного Чжоу, Чуньцю и Чжаньго. Диссертация. Москва, Институт востоковедения РАН, 1999.